

Джон Уилсон

Культура ДРЕВНЕГО ЕГИПТА



Материальное и духовное наследие
народов долины Нила



Джон Уилсон

**Культура Древнего Египта.
Материальное и духовное
наследие народов долины Нила**

«Центрполиграф»

1951

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

Уилсон Д. А.

Культура Древнего Египта. Материальное и духовное наследие народов долины Нила / Д. А. Уилсон — «Центрполиграф», 1951

ISBN 978-5-9524-5274-9

Известный американский египтолог Джон А. Уилсон представил свою интерпретацию истории одного из величайших культурных периодов в человеческом опыте. Основываясь на письменных источниках, свидетельствах древних авторов, а также предметах материальной культуры, он собрал, проанализировал и представил исследование о религии, государственном устройстве, экономике, социальной структуре, ремесленных производствах, научных знаниях, искусстве, литературе и других предметах, включая изучение их особенностей в разные исторические периоды Древнего Египта. Повествование иллюстрируют карты и фотоматериалы.

УДК 94(32)
ББК 63.3(0)31

ISBN 978-5-9524-5274-9

© Уилсон Д. А., 1951
© Центрполиграф, 1951

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	10
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Джон А. Уилсон
Культура Древнего Египта
Материальное и духовное
наследие народов долины Нила

Посвящается Мэри

*Пророчество о Египте. – Вот, Господь восседит на облаке легком
и грядет в Египет.*

Ис., 19: 1

*Как скажете вы фараону: «я сын мудрецов, сын царей древних?»
Где они? Где твои мудрецы?*

Ис., 19: 11–12

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

Эта книга посвящена древнеегипетской истории. Автор, однако, не стремился искать и устанавливать факты, составлять цепочки из непосредственно связанных друг с другом событий и сплести из них логичный и содержательный научный текст. Он, несомненно, понимает важность работы с историческими фактами, но в то же время доказательство их подлинности не является его приоритетом. Он воспринимает определенные сведения как данность и пытается установить их значение. Такой подход представляется ему справедливым.

В результате появился своего рода справочник, где собраны проверенные данные о различных периодах истории. Они преподнесены таким образом, чтобы другие исследователи имели возможность проверить, проанализировать и подтвердить их. Интерпретация фактов, а именно попытка историка определить их последовательность и значение, должна быть четко выделена, чтобы дать возможность другим ученым составить собственное независимое суждение о представленных данных. Идеалом могла бы стать библиотека, в которой были бы собраны тома с современными переводами древнеегипетских текстов, снабженными исчерпывающими комментариями, позволяющими читателю проверить правильность переводов; книги, содержащие систематизированное описание памятников материальной культуры Древнего Египта, включая произведения искусства, с хорошими иллюстрациями и точными датировками, которые позволили бы читателю проверить эту информацию; специализированные исследования по религии, государству, экономике, социальной структуре, ремесленным производствам, научным знаниям, искусству, литературе и другим предметам, включая изучение их особенностей в разные исторические периоды; и, наконец, серьезные труды по истории культуры, объединяющие все вышеперечисленные и говорящие сами за себя. И лишь только после такого объективного исследования историк имеет право высказать свое мнение и представить гипотезу о значимости фактов. Здесь же мы ставим телегу впереди лошади. По большому счету, настоящее исследование представляет собой телегу – субъективные и гипотетические заключения, которую мы запрягли впереди лошадей – кропотливой работы с источниками и серьезного исторического исследования.

В то же время источники, на которых строится историческое исследование, стали настолько многочисленными, что одному ученому уже чрезвычайно сложно на писать объективное и исчерпывающее обо всей истории Древнего Египта. Хорошо это или плохо, но все мы стали узкопрофильными специалистами.

Ученые, специализирующиеся на изучении древности, все более ясно стали осознавать еще одну проблему, связанную со своеобразной природой источников, на основе которых строятся их исследования. Всегда ли древнеегипетские источники соотносятся с историческими фактами? Сейчас мы понимаем – возможно, лишь немного лучше – психологию людей, живших в древности и создававших источники. Понятия «факт» или «истина» в современном смысле были чужды им. Присущие им побуждения в корне отличаются от современных. В этой книге речь пойдет в том числе и о том, насколько мировосприятие древнего человека отличалось от свойственного нашему современнику. Здесь мы также частично охарактеризуем эти различия. Их суть заключается в том, что у древних людей было принципиально другое отношение ко всем событиям, которые они наблюдали. Мы привыкли рассматривать их в хронологической последовательности, видеть предпосылки и последствия событий, их причины и результаты. Чтобы оценить какое-то явление, нам необходимо знать, что ему предшествовало и что последовало за ним. Мы представляем историю в виде движущейся системы – кадр, связанный с полученным опытом, должен занять свое место на киноплёнке. Для древних же явления, свидетелями которых они становились, не были частью последовательной цепи событий. Все, что предшествовало тому или иному явлению, никак с ним не связывалось и не считалось

примечательным. В древности люди считали события одноразовыми вспышками в безграничной и безвременной вселенной, в мире богов, и поэтому в них всегда видели следствия Божественного промысла. Наши далекие предки видели мир в зеркальном отражении: все происходившее считалось проявлением первоначального замысла богов. Если полностью принять то, что боги создали изначально неподвижную вселенную, и поверить, что любое событие является следствием действия божества и человек никак не может быть причастен к этому, то вряд ли у кого-то возникнет потребность в поиске объективных причин явлений или интерес к хронологической последовательности событий.

Древневосточное мышление называют мифологическим. Древний человек соотносил собственный опыт с мифами, которые повествовали о деяниях богов. Он чувствовал себя комфортно, считая частности лишь одним из проявлений чего-то огромного и всеобъемлющего. Соотнесение собственных наблюдений или опыта с мифом освобождало человека от необходимости поиска причинно-следственных связей в прошлом или принятия каких-то чрезвычайных мер в будущем.

Коль скоро у древнего человека не было чувства времени, относительности или объективной причинной обусловленности, его никак нельзя назвать историком. Он не хотел копаться в прошлом для того, чтобы объяснить какое-то явление, ему было достаточно верить в его божественное происхождение. Он не занимался поиском настоящих причин и не прослеживал от начала и до конца цепочку хронологически и логически связанных друг с другом событий. Кроме того, он занимался лишь мифотворчеством и не пытался разработать философию истории, которая, благодаря осмыслению причинно-следственных связей, позволила бы ему объяснить последовательность событий.

Это означает, что наши основные источники – надписи и произведения искусства – не имеют ничего общего с отражением хода времени и причинно-следственных связей. Следовательно, в древности представления людей об исторической истине отличались от наших. Там, где истину видели во вмешательстве и действиях божества, основным критерием оценки событий было чудо. Там, где, как в Древнем Египте, царя почитали как бога, он олицетворял собой государство и все силы государства были направлены на поддержание этой догмы, целью письменных источников было запечатлеть божественное, чудесное и непреходящее. Это можно называть «пропагандой», направленной на укрепление представлений о божественной власти. Были случаи, когда она приводила к искажению реальных событий или полному их подлогу, но нельзя отрицать, что сознание древнего человека воспринимало эту «пропаганду» как непреложную истину.

К сожалению, это ставит под вопрос все используемые нами исторические данные. Ведь если факты представлены предвзято или и вовсе искажены, то как мы можем быть уверены в том, что они вообще имели место? И у нас нет возможности привести древних писцов в суд, найти еще несколько их современников, которые выступили бы компетентными, незаинтересованными и не подверженными самообману свидетелями. Для объективной оценки событий прошлого подобной возможности не существует. Ее нет и в древнеегипетском изобразительном искусстве, которое находилось вне времени и было таким же агитационным, как и литература. Однако она присутствует в памятниках материальной культуры, найденных при раскопках, но лишь в немногих случаях с их помощью можно опровергнуть или скорректировать данные, полученные нами из письменных источников.

Все, что нам остается, – это тщательно, насколько позволяет огромный объем материала, изучать все имеющиеся данные, проверять их достоверность по другим египетским памятникам, по источникам, созданным представителями других народов и культур, и посмотреть на них с точки зрения здравого смысла, потом сделать предварительные обобщения о древнеегипетской культуре в целом и только после этого наконец применить эти обобщения для интерпретации частных случаев. Такой подход может показаться неубедительным, ведь предлагае-

мая методология настолько же дедуктивна, насколько и индуктивна, но она в равной степени субъективна и объективна. Мы не ставим телегу впереди лошади; напротив, мы впрягаемся сами и неспешно начинаем самостоятельный путь.

Возможно, этот подход не будет казаться неуместным, если взять в расчет разницу между историей Древнего Египта и, например, современной Европы. Если древние источники скупы, предвзяты и пропитаны мифотворчеством, имеем ли мы право принимать их без критики? Можно возразить, что в догреческом мире не существовало исторической науки в строгом смысле этого слова, были только историки – люди передовых взглядов, пытавшиеся систематизировать, осознать и объяснить то, что не говорит само за себя и отсылает к мифам о богах. Если так было на самом деле, то нам стоит честно признать это и работать в субъективной и дедуктивной атмосфере. В этой книге содержится множество личных размышлений о значении культуры Древнего Египта, и при чтении возникнет значительно больше вопросов, чем ответов на них.

Сразу же стоит задать еще один вопрос: если культура, о которой идет речь в этой книге, так отдалена от нас во времени и в пространстве и все, что здесь будет сказано, субъективно и гипотетично, то стоит ли тратить время на чтение? Мы живем в тесном, задыхающемся мире, за нашими плечами еще слышны раскаты грома кризиса. Наш стиль жизни в корне отличается от древнеегипетского, поскольку силу человека или животного заменили машины, а натуральное хозяйство уступило место городской торговле. Мы стоим на пороге принципиально новой жизни, в мире, испещренном сетями коммуникаций и экспериментирующем с новыми источниками энергии. Возможно, прошлое – это нечто отмершее, и ему нельзя позволять сдерживать наше будущее развитие. Возможно, доклассическое прошлое настолько отличается от современности, что не имеет ничего общего ни с настоящим, ни с будущим. Может быть, изучение Древнего Египта – это всего лишь способ отвлечься, обратиться к чему-то необычному, причудливому и занимательному, не похожему на нашу жизнь. Можем ли мы оправдать появление еще одной книги о Древнем Египте?

Ответом на эти вопросы станет сама эта книга, где мы сосредоточимся на ценностях, присущих древнеегипетской культуре, и они неизбежно будут обсуждаться с позиций современного человека. Тем не менее стоит сразу сделать одно общее замечание касательно древней истории.

Обычно считается, что мы – люди, стремящиеся улучшить условия своей жизни, и поэтому любая культура, существовавшая ранее, вызывает интерес и имеет для нас значение, особенно если она оказалась настолько самодостаточной, что смогла просуществовать в течение долгих веков. Даже если мы выясним, что принципы этой культуры неприменимы более в современном мире, они все равно отложатся в нашем сознании.

Наше время требует здравого смысла, который, в свою очередь, основывается на знании непреходящих ценностей. Страхи, предубеждения или амбиции могут повлиять на суждение, но при глубоком знании прошлого оно будет основательным. Прошлое необходимо. События настоящего можно оценить всесторонне и трезво только в связи с прошлым. В противном случае можно не разглядеть за деревьями леса.

Таким образом, мы говорим скорее о перспективах, чем о чем-то конкретном. Поэтому для нас не имеет принципиального значения, насколько истинно то, что древнеегипетская медицина была прародительницей современной, или то, что наша концепция социальной справедливости берет истоки в эпохе Среднего царства, или то, что монотеизм впервые появился во времена правления фараонов XVIII династии. Эти проблемы очень интересны и крайне важны, и им следует посвятить специальные исследования. В данной книге мы также уделим им внимание, но они все еще остаются дискуссионными и поэтому пока не имеют принципиального значения. То, что сейчас действительно необходимо, – это найти наше место в исто-

рии развития человечества и выявить общие ценности, которые обусловят нашу дальнейшую эволюцию. Для этого и необходимо разностороннее изучение истории.

Это не означает, что рассказ о Древнем Египте или другой культуре должен быть кратким и максимально обобщенным. Трезвые суждения необходимо основывать на уверенности, и нужно исходить из того, что историки сделали все возможное, чтобы ответственно и досконально собрать все источники, логически выстроить и объединить их в фундаментальных исследованиях, на основе которых можно делать различные обобщения. Если у нас нет уверенности в том, что историки достаточно компетентны и владеют необходимыми методами и подходами, то мы не можем опираться на их открытия для определения датировки и относительных ценностей, а значит, делать обоснованные выводы. Однако это не означает, что всем непременно нужно вникать во все детали. Достаточно удостовериться, что историк уже собрал все возможные данные. И, основываясь на его работе, мы можем делать собственные обобщения о путях развития человечества.

В этой связи трехтысячелетняя история культуры Древнего Египта кажется своеобразной притчей, рассказом о людях, которые совершали великие дела, достигали успеха, испытывали поражение, чувствовали надежду на будущее и разочаровывались в настоящем. Мы изучаем жизнь в далекие времена и поэтому можем судить о ней без предубеждений. Таким образом история становится доктриной, которую можно спроецировать на нашу жизнь. Длительная борьба людей, живших в другие времена, в других странах и при совершенно иных обстоятельствах, со временем превращается в притчу о том, что происходит с человечеством, точнее, с нами самими. Мы можем одобрять или осуждать то, что египтяне совершали тысячелетия назад, и, поступая таким образом, невольно подвергаем критике и то, что сами делаем сегодня. И не важно, что египтяне использовали другие источники энергии, нежели мы, что структура их общества и хозяйства отличалась от нашей или что у них было другое мировосприятие – они были такими же людьми, стремившимися к полной и гармоничной жизни, и это стремление проходит непрерывающейся линией из древности в наши дни. Бремя Египта, о котором пророчествовал Исаия, остается и нашим.

Глава 1

Черная земля: географические факторы Египта

Многие из тех, кто побывал в Египте, несомненно знают об исключительности климата и топографии долины Нила. Они приехали из стран с умеренным уровнем осадков, где луга покрывают единым ковром низины и возвышенности, а облака могут днями скрывать солнце, луну и звезды. В краях, откуда они родом, дороги идут в любом направлении. Этим людям известно, что ландшафт и климат сильно переменчивы: они знакомы со всеми сторонами света, знают, что в марте или августе может лить дождь, но в то же время не уверены в том, какая погода будет на выходных, они могут сажать сельскохозяйственные культуры в низинах или горных долинах. И вот, попав в Египет, они видят землю, ограниченную долиной реки Нил и поэтому четко привязанную к оси север – юг, местность, где почти не выпадают осадки. Путешественники замечают большую разницу между речной долиной и гористой пустыней (фото 1). Этот контраст между плодородной черной землей и красными песками пустыни отмечен четкой границей, коей являлся максимальный предел разливов Нила. Она настолько резкая, что можно встать одной ногой на плодородную аллювиальную почву, а другой – на безжизненный пустынный песок. Нильская долина перенаселена и бурлит жизнью. Если посмотреть на холмы из песчаника, то становится очевидно, что жизнь абсолютно невозможна на этих огромных пустынных пространствах. И поэтому все неизбежно стремятся к огромной заиленной реке, приносящей столь необходимые для поддержания жизни воду и ил. Если вдруг по каким-то причинам Нил пересохнет, плодородная земля будет выжжена солнцем, превратится в пыль и будет унесена ветром. Египет превратится в часть гигантской пустыни Сахара – в обширное сухое вади.

Из-за этого резкого контраста между безжизненностью песков и плодородием ила все мы повторяем слова Геродота о том, что Египет – это дар Нила¹. Лишь немногие знают о существовании в Ливийской пустыне нескольких оазисов. Щедрый Нил берет истоки в Экваториальной Африке и в горах Эфиопии и одаряет своим сказочным богатством беднейшие районы мира. Земля здесь существует только благодаря разливам реки, и в условиях субтропического климата эти ежегодные дары в виде свежей воды и плодородного ила обусловили крайне успешное сельское хозяйство. При правильном использовании земля может приносить два или три урожая в год.

Однако жизнь в Египте показывает, что дар Нила накладывает на местных крестьян и тяжкие обязательства. Во время разлива стремящиеся к морю воды реки врываются в долину. Если их не направить в нужное русло и не пытаться сохранить эту воду, земля будет плодоносить всего в течение нескольких месяцев. Весной слышится монотонный скрип водяных колес, поднимающих воду из глубоких колодцев; видны спины крестьян, целыми днями качающих воду журавлями (фото 3б); можно увидеть сложную работу по ремонту маленьких каналов, что отводят воду к полям. За великий дар Нила египетские крестьяне беспрестанно расплачиваются тяжелым трудом. Если бы не этот труд по сохранению и рациональному использованию воды, Египет был бы значительно уже, а его земли давали бы лишь один урожай сразу после периода разлива.

Это наблюдение позволяет нам представить себе, какой была жизнь в далекие доисторические времена и как выглядела долина Нила до того, как человек соорудил первые ирригационные системы. Тогда люди, возможно, селились еще ближе к берегам реки. Каждое лето нильские воды свободно выходили далеко за пределы берегов, покрывая земли тонким слоем и

¹ Геродот. История II. 5. (Примеч. пер.)

быстро испаряясь. Должно быть, красная пустыня была значительно ближе к реке и почти граничила с ее болотистой поймой. Покрывавшие берега заросли тростника и кустарников, где в изобилии водилась дичь, привлекали мелких хищников. То, что эти речные заросли существовали до того, как человек осушил болота, отведя воду к подножию гор, подтверждается изображениями исторического периода (рис. 2а). В многочисленных сценах охоты есть отсылка к этому далекому прошлому, когда болотистые берега Нила были покрыты зарослями, которые кишели птицей и мелкими животными. В доисторические времена флора и фауна Египта были очень схожи с современной дикой природой на юге Судана. Например, в Египте уже не найти некогда знаковых ибиса и папируса, но они встречаются в нильских зарослях в полутора тысячах километров к югу².

Таким образом, первые люди в Египте были заключены между надвигающимися песками пустыни с одной стороны и пышными речными зарослями – с другой. Чтобы жить на этой земле, людям приходилось осушать болота, вырубать тростник и вести ежегодную борьбу по отводу воды, чтобы противостоять всепоглощающей пустыне. Это было непросто, и, вероятно, на эту медленную упорную работу ушли тысячелетия доисторического периода. Мы не располагаем доказательствами существования в додинастическое время сколь-нибудь развитых ирригационных систем, требовавших коллективной работы по сооружению каналов и водоемов. Можно предположить, что их появлению предшествовало постепенное осушение болот. Существует гипотеза, согласно которой в конце додинастического периода этот процесс завершился заметным развитием ирригации. Но это лишь предположение. В качестве доказательства данной гипотезы ее сторонники приводят следующий аргумент: благодаря развитой системе ирригации площадь обрабатываемой земли значительно расширилась, что привело к увеличению количества производимой пищи, которое превысило потребности населения; с появлением этого остаточного продукта началось развитие цивилизации. Сооружение развитой ирригационной системы требует коллективного труда, объединяющего разные сообщества, и этот фактор сыграл важную роль в формировании государства. Судя по более поздним источникам, за несколько столетий до этого воду использовали крайне экономно, что обусловило все дальнейшее развитие. Мы вернемся к этому вопросу в следующей главе.

Нил накладывает на египтян еще одно обязательство. Его разлив изменчив по времени и количеству воды. Человек должен быть все время готов к непредсказуемости реки. В частности, огромное значение имеет высота разлива. Разница всего лишь в несколько сантиметров может обернуться голодом или вызвать катастрофические разрушения. В прошлом столетии, до строительства Асуанской плотины, подъем Нила на 7,62—7,92 метра означал хороший разлив, который было легко контролировать и которого хватало для орошения всей земли и получения богатого урожая. Низкий разлив, на 76 сантиметров ниже нормы, предзнаменовал неурожайный год и нужду. Когда же Нил поднимался лишь на 40–20 процентов от нормального уровня, в стране наступал неминуемый голод, преследовавший население в течение всего года. Но и высокий разлив нес опасность. Глубина каналов и высота защитных дамб были рассчитаны на обычный разлив, подъем воды всего лишь на 2,5 сантиметра означал повреждение насыпей; когда же разлив был выше на 9,14 метра – 20 процентов от нормального уровня, вода сносила все дамбы и берега каналов и разрушала целые деревни, выстроенные из сырцового кирпича. Легенда о семи сытых и семи тощих годах в Египте не была вымыслом, они всегда оставались опасной возможностью. Грань между сытой жизнью и голодной смертью была очень тонкой. Постоянное наблюдение за непредсказуемым животворящим Нилом было неизбежной необходимостью, и обеспечить контроль над стихией во всей стране могло лишь организованное государство. И оно стало еще одним тяжким обязательством, которое наложил дар Нила.

² *Newberry P.E. Egypt as a Field for Anthropological Research (Smithsonian Report for 1924) (Washington, 1925), 425ff.*

Такова была среда, где процветала древнеегипетская цивилизация; она стала стимулом, побуждавшим египтян бороться за полноценную жизнь, в основе которой лежала плодородность их земли. Эта страна не была теплым краем лентяев и мечтателей. Согласно теории Тойнби, говорившего о вызовах природной среды и ответах на них человека, египтянам приходилось сталкиваться со все более сложными проблемами. Получение выгоды от климатических условий, воды и почвы стало вызовом, в ответ на который люди должны были столетиями работать не покладая рук, осушая болота и отвоевая земли в пойме реки; потом столетия ушли на то, чтобы тяжелым трудом соорудить каналы и водоемы для орошения всепожирающей пустыни. Так древние люди смогли получать богатейшие урожаи, что, в свою очередь, стало причиной новых проблем. Как организовать огромное трудовое население и распределить избыточный продукт? В этой части книги нас интересуют географические факторы и их влияние на развитие цивилизации. Следующая глава будет посвящена ответу, который общество и государство дали на вызов, связанный с ростом населения и распределением богатства.

Другой фактор – изолированность египетских земель – заслуживает не меньшего внимания. Вытянутая вдоль Нила долина была закрыта для внешних контактов. На западе и востоке расположены огромные пустыни, через которые могли передвигаться маленькие торговые караваны и которые оказались непреодолимой преградой для любых захватчиков. На северной границе Синайская пустыня ослабляла контакты с Азией, в то время как более доступным было ливийское побережье, через которое проходили пастухи и мирные народы. Чтобы отправиться по суше на запад или восток, каравану на странствие по пустыне нужно было потратить от пяти до восьми дней, пройдя через Синай в Палестину, через Вади-Хаммамат к Красному морю или ближайшему из западных оазисов.

Путешествия по воде были тоже не из простых. Доисторические люди, передвигавшиеся на маленьких хлипких лодках и не имевшие опыта навигации, редко решались пересекать Средиземное море. Египтяне строили суда для передвижения по Нилу и попытались приспособить их для морских путешествий. Первые корабли, которые использовали для обороны и командования, могли ходить вдоль береговой линии. Если это так, то на путешествие из Дельты к побережью Финикии, занимавшее четыре дня плавания напрямую, могло уходить вдвое больше времени. Сообщение с Критом было более проблематичным, поскольку путь от этого острова в Африку проходил через открытое море. Вероятно, сами критяне, жившие посреди моря, первыми установили это сообщение. В любом случае данный путь занимал не меньше четырех дней.

С юга Египет был также закрыт природными барьерами. Первый порог не был серьезным препятствием, его можно было легко преодолеть по воде или обойти. Однако природа в этом районе не слишком гостеприимна: пустынные скалы подходят почти вплотную к реке, оставляя лишь узкие полосы плодородной земли. Пространство между первым и третьим порогами было малоприспособлено для существования крупных и сильных культур. Зато к югу от третьего порога открывается земля, пригодная для земледелия и выпаса скота. Но сами второй и третий пороги, а также Нубийская пустыня были серьезным препятствием для передвижения на юг или на север. Возможность проникнуть в Египет с юга, как и из Ливии и через Синайский полуостров, существовала всегда. Однако природные условия сводили эту опасность к минимуму, и обычно охрана границ не стоила египетской администрации большого труда. В глубокой древности Египет был надежно защищен от вторжения.

Многие обобщения, сделанные в этой книге, со временем будут пересмотрены, изменены или полностью отвергнуты. Справедливость замечания о том, что Египет был защищен от внешнего вторжения, во многом зависит от времени и места. В истории Египта бывали времена, когда передвижение людей было настолько интенсивным, что они преодолевали преграды – пустыню или море. Но такие значительные события, как нашествие гиксосов или нападение «народов моря», происходили в более поздние периоды, на ранних же стадиях чувство

безопасности было частью доминирующего мироощущения. В некоторых частях Египта: в районе первого порога Нила, на северо-западной границе с Ливией или на границе с азиатами в районе Суэца – всегда существовала угроза нападения. В этих районах требовалось постоянно охранять границы, и неусыпная бдительность стала частью самосознания их жителей.

Ощущение защищенности от внешнего врага становится очевидным в сравнении с другими культурами. В отличие от живших в то же время соседей: месопотамцев, сиро-палестинцев или анатолийцев – египтяне находились в удачной географической изоляции. Им не было нужно содержать постоянную и сильную армию на границе. Любая возможная угроза обнаруживалась издали, и было маловероятно, что ее разрушающая мощь дойдет до Египта. Это чувство относительной безопасности привило древним египтянам уверенность в успешном существовании в этом и загробном мирах, и оно обусловило ощущение личной свободы простых жителей Египта. В отличие от соседей: вавилонян или евреев – древние египтяне не были рабски подчинены власти и полностью растворены в обществе. Правила, по которым они жили, были весьма общими и понятными, и в рамках этих правил египтяне обладали относительно большой свободой для проявления индивидуальности. Эта свобода основывалась на вере в себя и в свой мир, которая происходила от ощущения географической безопасности. Как мы увидим в последующих главах, когда это чувство безопасности все же было разрушено, мироощущение египтян полностью изменилось, и на смену свободе и оптимизму пришло сознание государственной необходимости. Но речь в них пойдет уже о закате, а не о расцвете Египта.

Следует различать чувство опасности, вызванное возможностью военного вторжения, и то, которое было связано с вероятностью низкого разлива Нила и страхом голода. Не испытывая первого, египтяне всегда ощущали присутствие второго. Но их никогда не оставляла надежда на то, что за годом низкого Нила последует год с хорошим разливом. С низким разливом Нила всегда можно было бороться, осторожно расходуя ресурсы, чтобы пережить месяцы голода, пока не начнется новый разлив, всегда происходивший вовремя. Периодичность живительных разливов во многом определила сознание египтян. Каждую весну Нил возвращался в свое русло, оставляя поля иссыхать под порывами горячих пустынных ветров, захватчиков, пришедших из ниоткуда, но каждое лето река снова наполнялась, поднималась из берегов, и половодье оживляло поля, принося на них влагу и новый ил. Нил никогда не прекращал совершать это великое возрождение. Эта цикличность заложила основу веры египтян в то, что и они сами смогут одержать победу над смертью и получить вечную жизнь. И действительно, даже если Нил не являл щедрость в годы голода, его течение никогда не прекращалось, и оно обязательно вновь богато одаряло Египет.

Постоянная периодичность циклов реки дополнялась цикличностью солнца. Каждый вечер оно исчезало в почти безоблачном небе, но каждое утро вновь являлось во всем своем могуществе. К его жару египтяне относились с почтением: они были благодарны прохладному северному ветру или освежающей воде, но радовались солнечному теплу после холодной тьмы ночи. По утрам они грелись в лучах солнца и наблюдали, как животные делают то же самое. Световой день был временем жизни, ночью же все замирало; и в Египте, где смена дня и ночи происходит внезапно, это ощущение имело большое значение. Ритм повседневной жизни полностью зависел от солнца. Каждую ночь оно одерживало верх над смертью и, сверкая, появлялось на утреннем горизонте, и это придавало египтянам уверенность в том, что они, как солнце и Нил, тоже смогут победить смерть.

Теперь давайте посмотрим на египетскую землю с другой стороны. Черная земля, пригодная для жизни и сельского хозяйства, составляет лишь $\frac{1}{30}$ часть территории современного Египта; более 95 процентов площади этой страны занимает бесплодная пустыня. На этой $\frac{1}{30}$ территории в наши дни живут 99 процентов египтян. Плотность населения составляет более 465 человек на квадратный километр. Египет все еще остается сельскохозяйственной страной,

но с такой необычайно высокой плотностью населения, что маленькие городки, переполненные людьми, располагаются один за другим. Исключения составляют лишь удаленные районы, где существует своего рода полурурбанизм, обусловленный интенсивностью контактов.

Численность населения современного Египта в прошлом столетии стала стремительно расти, и, конечно, в Древнем Египте о такой высокой плотности не было и речи. Тем не менее эта плотность сопоставима с существовавшей в древности. И для того времени был характерен резкий контраст между перенаселенными плодородными землями и безжизненными песками пустыни. Сегодня население Египта насчитывает 16 миллионов человек. Если в древности в долине Нила проживала бы хотя бы его десятая часть, то плотность древнеегипетского населения на плодородной земле была бы вдвое выше, чем в современной Виргинии, и втрое выше, чем в Миссисипи. Такая концентрация, четко ограниченная бесплодной пустыней, способствовала интенсификации внутренних контактов и вылилась в появление своеобразного городского мышления.

Одним из древнеегипетских названий этой страны было Обе Земли, что отражает действительное географическое положение. Египетские земли объединяли прямая зависимость от Нила и изолированность от других культур. Тем не менее внутри страна разделяется на два разных региона – длинную узкую долину Верхнего Египта на юге и широкую дельту Нижнего Египта на севере. На протяжении всего хода истории эти районы сильно отличались друг от друга, а их жители знали об этих различиях³. Ширина полосы Верхнего Египта, любая точка которой находится в непосредственной близости от Нила, колеблется от 6 до 32 километров. Она ограничена горами пустыни и ориентирована только по оси север – юг. В Нижнем Египте нет этой четкой ориентации, его огромные низины расходятся во всех направлениях. Сегодня зловонные болота Дельты напоминают нам о том, что в доисторические времена Нижний Египет, должно быть, представлял собой непроходимые заросли. На севере великая река распадается на несколько менее крупных рукавов или каналов, непригодных для судоходства. Нижний Египет имеет выход к Средиземному морю, к Азии и Европе, огромный успех сельского хозяйства в этом регионе стал притчей во языцех. Дельта поддерживала контакты со многими странами. Верхний Египет, с обеих сторон ограниченный пустынями, больше тяготел к Африке, его торговые контакты были направлены на юг или к Нижнему Египту, его сельское хозяйство до сих пор следует традициям прошлого, когда большой доход приносило скотоводство. И в древности, и сейчас жители этих регионов разговаривают на разных диалектах и имеют различные представления о жизни. Верхний и Нижний Египет были в буквальном смысле Двумя Землями, которые объединили в одну страну.

Близость пустыни к обитаемому пространству Верхнего Египта резко отличала его от огромных просторов плодородной земли в Дельте, и это обусловило два фактора сохранности древнеегипетских источников. В Верхнем Египте для захоронения усопших или строительства обширных храмов использовали близлежащие пустынные земли; люди жили и занимались своими делами на черной земле, но их хоронили на склонах песчаных холмов, которые способствовали сохранности их тел и у подножия которых возводили храмы. Это обусловило непропорциональность числа и тематики сохранившихся источников, большая часть которых связана с погребальным обрядом и официальным храмовым культом, и лишь незначительное количество источников относится к сфере торговли, администрации, экономики или структуре общества. Распространенное представление о том, что древние египтяне были в большей сте-

³ Во времена Среднего царства один изгнанник, оказавшийся в чужой стране, так описывал свое замешательство: «Я не знаю, что разделило меня с моим домом. Это было как сон, как если бы житель Дельты оказался на Элефантине или житель [северных] болот в Нубии». Во времена Нового царства разницу между диалектами севера и юга Египта выразили такими словами: «Твои речи... непонятны на слух, и нет переводчика, который мог бы объяснить их. Они подобны словам жителя болот Дельты, сказанным человеку из Элефантины».

пени озабочены приготовлениями к смерти и переходу в другой мир, во многом объясняется тем, что источники, связанные со смертью и загробным миром, находились в пустынных песках и прекрасно сохранились до наших дней, в то время как источники, свидетельствующие о повседневной жизни, оставались в плодородной аллювиальной почве, где постоянно подвергались воздействию влаги, химических процессов, разрушались в ходе человеческой деятельности и в результате практически не сохранились.

Вторая причина непропорциональности количества и тематики источников связана с разницей между Верхним и Нижним Египтом. До сих пор большинство известных источников происходит из песков Верхнего Египта, провинциальной части страны. На севере такие же источники находились во влажной земле и истлели, поэтому эта часть страны, которая находилась в тесном контакте со Средиземноморьем и Азией, остается практически безмолвной. Нам приходится восстанавливать историю на основе сохранившихся источников, а они во многом ограничены. Историю Дельты остается изучать по материалам, происходящим из Верхнего Египта.

Разрушительные свойства нижеегипетской почвы становятся еще более трагичными, если вспомнить, что Дельта была воротами, через которые осуществлялись контакты Египта и других значимых культур. Согласно Библии, в Дельте жили дети Израиля, там же располагались поселения греков, а во время расцвета древнеегипетской державы в Дельте находилась основная столица, тогда как Фивы были временной или провинциальной резиденцией фараона. В этой книге выдвигается в том числе теория о том, что Египет передал важную часть своей традиции культурам более молодых народов. Не исключено, что при наличии большего количества источников, происходящих из Нижнего Египта, где контакты с евреями, финикийцами, эгейцами, ионийцами и другими народами были более интенсивными, эту теорию следовало бы пересмотреть. Мы убеждены, что ее можно принять как рабочую гипотезу в том смысле, в котором она изложена в последней главе книги. Однако мы также признаем, что наличие более точных данных о культурном взаимодействии в египетской Дельте могло бы привести к ее пересмотру.

Египетская культура приобрела своеобразную форму, впитав азиатско-средиземноморское влияние, которое оказало воздействие на Нижний Египет, и африканское влияние, бывшее сильным в Верхнем Египте. Древние египтяне были родственны семитам, но не являлись ими; они были родственны хамитам, но не являлись и хамитами. Ученые спорят о том, какие элементы египетской культуры были заимствованы из Азии или из Африки, но все соглашались с двойственностью этой культуры. Даже Дельта испытывала азиатское влияние (с Синаем) на восточной границе и африканское (из Ливии) – на западной. На юге можно найти общность египетской культуры со свойственной хамитам, на западе – с присущей ливийцам, на севере – с минойской, а на востоке – с семитской. Для нас важным фактором является то, что, несмотря на относительную изолированность, Египет был подвержен культурному влиянию с разных сторон и, в свою очередь, оказывал такое же воздействие.

В другой работе мы попытались объяснить тяготение древних египтян к геометрическому параллелизму в искусстве или литературе географическими причинами, а именно тем, что восточный берег Нила противоположен западному, пустынные скалы на востоке стоят напротив западных скал. Любовь египтян к противопоставлению или дуализму легко прослеживается во всем, но не следует считать, что наша теория полностью объясняет появление эстетики равновесия и дуализма в искусстве, литературе или мифологии. В Верхнем Египте, где река становится разделительной осью, равновесие между восточным и западным берегами – это видимое явление. Но его не найти в Дельте, где поля уходят за горизонт и где нет ярко выраженных пустынных гор. Возможно, двойственность Обеих Земель была более важным фактором формирования дуализма египетского сознания. Не исключено, что были и другие, не менее важные стимулы.

Эта глава была посвящена географии Египта, но мы рассматривали не столько его физическое местоположение, сколько влияние окружающей среды на ее обитателей. Нам не хотелось бы создавать впечатление, будто мы считаем физическое окружение единственным или даже основным фактором формирования культуры. Географические особенности, заметные и поддающиеся описанию, несомненно оказывают большое воздействие на людей. Однако не менее важную роль играли и психологические и духовные искания. Описывать их значительно сложнее, и ученые расходятся во мнениях при их отборе. В ходе повествования мы обратимся к некоторым из них.

Глава 2

Из глины: долгая борьба в додинастическое время

В далекие геологические эпохи плодородной зеленой долины Нила еще не существовало. Задолго до появления человека природа начала создавать землю, пригодную для его обитания, которая в течение миллионов лет появлялась за счет двух значительных смещений земной коры. Можно представить, что давным-давно Северо-Восточная Африка представляла собой гигантское плато из известняка, орошаемое обильными дождями, воды которых стекали в самых разных направлениях. С течением времени плато медленно поднималось, а вода пробивала себе путь к морю. В итоге образовалось огромное ущелье, прорезающее известняковое плато с юга на север; оно стало руслом громадной реки, размывшей камень и сформировавшей долину Нила. Прошли тысячелетия, земля стала опускаться, и гигантское ущелье затопило море. 965 из 1100 километров, которые впоследствии стали территорией Египта (до Эсне), находились под водой. Море оставило характерные отложения: вплоть до Асьюта в Среднем Египте можно найти морские окаменелости. По прошествии некоторого времени природа опять изменила ландшафт, и земля поднялась вновь. В это время продолжали выпадать осадки, но их было не так много, как в олигоценую или миоценовую эпоху. Нил, получивший новое русло и направлявший свои воды также на север, прорезал себе путь сквозь морские отложения, сформировавшиеся во время плиоцена.

Этот поразительно медленный процесс формирования долины, конечно, происходил без участия человека. В лесах, покрывавших все плато, сформировался своеобразный растительный и животный мир. Но начался новый цикл, в котором сократилось количество осадков и уменьшился объем воды Нила. Длительный процесс высыхания, происходивший на огромной части земной поверхности, и уменьшение уровня воды в Ниле привели к появлению новых береговых линий, располагавшихся ниже и ближе друг к другу. Восемь из этих высыхавших берегов прорезали древние слои морских отложений, образовав ряд террас, спускавшихся от массива известняковых гор к современному руслу реки. Должно быть, эта сужающаяся полоса живительной воды становилась средоточием растительного и животного мира. Нам не найти следов человека у четырех верхних террас. Он мог останавливаться на берегах одного из огромных доисторических Нилов, отдыхая от беспрестанного собирательства в исчезающих лесах, но у него еще не было орудий труда, с помощью которых бы он мог оставить свой след в истории. Затем в геологическом массиве пятой сверху террасы появляются предметы, сделанные человеком, и с этого момента наша геология превращается в историю. Мы находим почти такие же кремневые топоры, как те, что встречаются в Европе и получили название абевильских. Преследуя дичь или охотясь в болотах, из леса вышло существо, достаточно развитое для того, чтобы производить эффективное оружие. Его костей не сохранилось, и мы можем только догадываться, как он сформировался из «человека каменного века» из других частей света. Вероятно, он не задерживался в диких зарослях, которые разделяли привычную возвышенность, где он охотился, от пугающего быстрого потока воды. Уступом ниже встречаются более поздние кремневые орудия, схожие с ашельскими в Европе; на двух последних уровнях они еще более совершенны, как в европейских культурах леваллуа и мустье. Это все, что мы находим, спускаясь на современную черную аллювиальную почву. Нескольких разрозненных каменных орудий труда крайне недостаточно, чтобы восстановить историю человека, но это все, чем мы располагаем; и они дают возможность предположить, что его жизнь в Северо-Западной Африке мало отличалась от той, которую люди вели в других частях света: он нерешительно или храбро охотился в бескрайних чащах леса, набивал рот дикими съедобными растениями или выкопанными из земли корнями. Мысли о том, как первый охотник, подобно «мечтателю, глядящему

на звезды и ожидающему появления новой планеты на небосклоне», смотрел на будущие дома своих далеких потомков «с инстинктивным прозрением», всего лишь романтический бред. Нет, это инстинктивное прозрение испытываем мы, когда пытаемся восполнить гигантский пробел между его скромным существованием и огромным тщеславием строителей пирамид. Этот человек не видел бескрайнего и великого будущего, которое ждало долину Нила. Он был безжалостно выброшен к его берегам самой природой.

Это стало следствием продолжающегося процесса иссушения Африки, во время которого леса уступали место саванне, саванна – прериям, а прерии, наряду с медленным исчезновением источников воды, превращались в пустыню. Обезвоживание началось на юге, в Судане, Нубии и Верхнем Египте; на севере и в районе Средиземноморья продолжали идти дожди. Это означало, что течение Нила стало более медленным и плодородный ил, который несли его воды, не уходил напрямую в море, а оседал на дне реки, в самих ее водах и откладывался вдоль берегов во время разливов. Аллювиальная почва постепенно погребла под собой некоторые из самых интересных источников – свидетельства об окончательном поселении на берегах Нила человека, который стал вести относительно оседлый образ жизни, – смогли бы стать первым свидетельством перехода от охоты и собирательства к жизни, основанной на производстве пищи в среде собственного обитания. Из-за недостатка источников нам остается лишь строить предположения. Увеличившаяся пустыня поглотила все съедобные растения, за исключением тех, что росли вдоль реки. Все животные, обитавшие в горах (включая человека), искавшие пищу и охотившиеся друг на друга, были согнаны вниз, к речному берегу. Соседство привело к более близкому знакомству: человек понял преимущество близости некоторых животных, которых всегда можно было употребить в пищу; он также осознал, что можно увеличить продуктивность некоторых растений, которые ели и он сам, и прикормленные им животные. И постепенно – вероятно, не осмысленно, а методом долгих поисков – присваивающее хозяйство сменилось производящим, что стало основой исторической жизни человека. Но свидетельства этого перехода были погребены под аллювиальной почвой.

И вот занавес снова поднимается, чтобы показать несколько разрозненных картин из жизни человека, уже твердо укоренившегося на черном аллювиальном иле около Нила. У него уже есть домашние животные, и он занимается земледелием. Судя по его диете и образу жизни, он уже являлся человеком современного типа (или таким, каким тот был до индустриальной революции). Перед ним еще лежит долгий путь накопления земных благ, ему еще предстоит создать новую общественную структуру, и перед ним еще простираются неисследованные просторы интеллектуальной и духовной жизни. Но мы не располагаем источниками, повествующими о величайшей революции – переходе от присваивающего хозяйства, которое вели охотники, рыболовы, собиратели корней и ягод, к хозяйству производящему, когда человек начал заниматься земледелием и разводить скот. Для присваивающего хозяйства характерны жизнь в небольших социальных группах – в семье или племени, в зависимости от площади обитаемой земли, – и использование легких переносных орудий труда. Оседлый человек может накапливать большое количество продуктов. Поскольку он сам производит пищу, он имеет возможность контролировать ее запасы и получать еще больше еды. Земля способна прокормить большее количество людей, и это привело к ослаблению семейных и племенных связей. Семьи, не связанные родственными узами, могут жить по соседству, не соперничая, а возможно, и помогая друг другу. Должно быть, этот переход происходил на протяжении тысячелетий. И ко времени, к которому относятся наши источники, он еще не был завершен.

Тщательные поиски на границе обрабатываемой земли в Файюме, на окраинах Дельты и в Среднем Египте дали возможность частично проследить неловкие попытки доисторического человека обустроить собственную жизнь. Кочующие собиратели выходили из африканских прерий и останавливались у берегов фэйюмского озера. Уходя, они оставляли отходы –

остатки костей слонов или гиппопотамов, небольшое количество простых кремневых орудий, а иногда керамику. Позднее, возможно спустя много столетий, жестокая пустыня изгнала их, и они поселились у густых зарослей, окаймлявших долину Нила. От этого времени сохранилось больше артефактов, но они все еще оставались грубыми и примитивными. Нам известны орудия труда и оружие, бусы, корзины, керамика, зернохранилища, а также кости одомашненных животных. Последние имеют огромное значение, поскольку указывают на то, что человек уже не вел кочевой образ жизни в поисках пропитания, а жил на одном месте и сам производил пищу. В Меримде Бени-Саламе, расположенной на юго-западной границе Дельты, были обнаружены остатки целой деревни, состоявшей из грубых овальных хижин, построенных из больших кусков глины. Эта деревня не была похожа на благо устроенное поселение. Она занимала площадь около 2,5 гектара и состояла из нескладных домов с единственной прокопченной комнатой, средние размеры которой составляли 4,2 × 2,7 метра. В пол вкапывали сосуд для сбора дождевой воды, стекавшей в него через крышу. Не самое приятное место.

В деревне было общее зернохранилище, состоявшее из врытых в землю плетеных корзин. За отдельными хижинами зернохранилищ не было. Очевидно, что первое устройство деревенской жизни во многом отражало племенные традиции: чувство личной собственности еще не пришло на смену чувству собственности коллективной. В то время выращивали разнообразность ячменя, которую сеют и сейчас, полбу и бобовые. Египтяне научились выращивать лен, плести из него нити и заниматься ткачеством на грубых станках. Таким образом, можно утверждать, что произошли важнейшие изменения в жизни, основанные на открытии: если заботиться об определенных видах диких растений, защищать и подкармливать их, то можно получить более богатый урожай, пригодный как для питания, так и для производства одежды. Люди узнали еще и то, что некоторые виды животных можно приручить и специально выращивать для получения мяса, шкур или шерсти. Однако находки, сделанные в деревне Меримде, как и фэйюмский кухонный мусор, указывают на то, что переход к производству пищи еще не был завершен. Незначительное количество зерна, для которого предназначалось хранилище, а также большое число костей диких животных позволяют предположить, что самостоятельно выращенные злаки и мясо домашнего скота и свиней еще не составляли основную часть рациона человека. Заросли и пустыня были рядом, поэтому человек, искавший пропитание и прислушивавшийся к природным инстинктам, продолжал охотиться и ловить рыбу.

Возможно, его полями были маленькие участки земли, иногда орошавшиеся Нилом, и человек еще не ставил себе сложных задач по осушению болот и отводу воды к обрабатываемой земле. Этот, должно быть, длительный процесс к началу исторического времени еще не завершился. В тот период человек еще пользовался преимущественно тем, что было легко доступно.

Обратившись к историческому периоду и посмотрев на настенные рельефы Древнего царства, мы увидим, что процесс domestikации животных не завершился даже через два тысячелетия. На сценах эпохи Древнего царства представлены вельможи, которые охотились в пышных зарослях, где в большом количестве жили представители дикой природы: гиппопотамы, крокодилы и птицы. Нет сомнения в том, что художник позволил себе роскошь преувеличения, но он руководствовался тем, что видел на еще не осушенных и не возделывавшихся участках земли. На этих сценах также изображены эксперименты по одомашниванию диких животных, на них мы видим стойла с газелями и гиенами, которых откармливают насильно. В течение первого тысячелетия исторического периода человек не оставлял попыток приручить новых животных; впоследствии сложившиеся традиции положили конец экспериментам.

Вернемся к примитивному и доисторическому времени. Мы не считаем своей целью подробное описание смены культур додинастического Египта с указанием особенностей каждой из них. Хотелось бы отметить лишь несколько моментов. Во-первых, это была борьба исконно древнеегипетских культур, и вплоть до конца додинастического периода иноземные культуры не принимали в ней сколь-нибудь значительного участия. Длительное, постепенное

изменение культуры происходило за счет внутреннего развития, без вмешательства «более развитых» народов. Мы не знаем почти ничего о людях, живших в додинастическом Египте. Свои знания мы можем выразить лишь отрицательными предложениями. В частности, нам известно, что население долины Нила не претерпевало качественных и количественных физических изменений. В большинстве своем «египтяне» были низкорослыми, худощавыми, с удлинённым черепом и смуглой кожей, обладали африканскими, азиатскими и средиземноморскими чертами.

Мотивация к развитию, зародившаяся в глубине их душ, была тлеющим огнем, о котором они даже не подозревали. Постепенно, без особенных усилий с их стороны и внешнего влияния, они медленной поступью начали путь к улучшению жизни, к большему физическому комфорту и сложным взаимозависимым отношениям. До самого окончания додинастического периода этот процесс проходил неосознанно и очень медленно. На берегу реки ноги человека стали увязать в иле, и ему пришлось двигаться более осмотрительно.

Археологи насчитывают несколько сменявших друг друга додинастических культур со сложными названиями: тасийская, бадарийская, амратская, герзейская и семанийская – и определяют отличительные признаки каждой из них: кремневые орудия, керамику, раннее использование металла, амулеты, могилы, дома и произведения искусства. Происходило постоянное развитие и – с определенными оговорками – обогащение культуры. Некоторые памятники, такие как дома и металлические предметы, становятся более многочисленными, увеличиваются в размерах и приобретают разнообразные формы. Другие артефакты не выдержали конкуренции с новыми явлениями культуры: техника изготовления кремневых орудий и лепной керамики достигла совершенства на самых ранних стадиях, но с появлением новых технологий она снова пошла на спад. Это особенно видно на примере керамики: человек производил великолепные сосуды, отвечавшие самым высоким требованиям к мастерству, красоте и функциональности; но когда появились другие возможности для творческой реализации, керамика стала скучной и исключительно утилитарной.

Перед тем как продолжать обсуждать искусство, нам стоит познакомиться с художником. Что мы знаем о додинастических египтянах, не оставивших нам письменных источников, о которых мы можем судить лишь на основе предметов, найденных в египетской земле? Конечно же их образ неполон, но он обладает контурными линиями. Давайте остановимся на времени в самом конце додинастического периода, предшествовавшего началу исторической эпохи, и рассмотрим все, что нам известно о людях, которые жили тогда рядом с Нилом.

Начнем с того, что египтяне не были гигантами. Рост мужчин достигал 1,67 метра, средний рост женщин составлял 1,52 метра. Они были худощавыми, но крепкого телосложения, с относительно удлинёнными головами и овальными, похожими на птичьи, лицами. На лице и теле у мужчин не было густой растительности, возможно, они носили жидкие бородки. У них не было большого количества одежды, но та, что они носили, была сделана из льна. С одеждой они надевали ожерелья из простых бусин и украшали лица косметической подводкой для глаз, вероятно зеленого цвета. Физически, равно как и во всех других отношениях, они были схожи с хамитами, семитами и жителями Средиземноморья.

На смену грубым овальным хижинам из грубых кусков глины пришли прямоугольные дома, построенные из формованных глиняных кирпичей. Сохранилась модель одного из таких домов, где показаны дверной проем, выложенный деревом, и небольшие окошки с деревянными рамами. В настоящем доме, вероятно, было достаточно пространства для разделения его на несколько помещений, а плоскую крышу поддерживал центральный столб, установленный в середине сооружения. В этом доме уже было почти все, что встречается в жилищах исторического времени.

Люди занимались сельским хозяйством, но у них было немного продуктов на продажу, поэтому каждое хозяйство должно было самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым

для жизни. Вооружившись самодельной деревянной мотыгой и серпом с кремневыми вставками, они выращивали ячмень, полбу, бобовые, некоторые овощи и лен. Из злаков они делали хлеб и пиво, из льна получали волокно, из которого изготавливали нити, а из тех, в свою очередь, делали ткани для пошива одежды.

Возможно, в каждой семье было одно или два животных, которые составляли часть деревенского стада. Собственными стадами владели только очень зажиточные люди. Основу скота составляли африканские длинноногие коровы, овцы, гуси, козы, ослы, обезьяны и, преимущественно на севере, свиньи. Скорее всего, именно доисторические египтяне вывели две породы – безрогих коров и египетскую борзую. Несмотря на присутствие скота, очевидно, что мясо не входило в повседневный рацион, его берегли для праздников или жертвоприношений. Основная часть потребляемого в пищу мяса поступала от рыбалки, ловли птиц в болотах или охоты в пустыне.

Хотя эти люди могли произвести любые орудия труда, необходимые в поле или для домашней работы, предметы, относящиеся к одной категории, а именно изделия из металла, можно было получить только посредством торговли. Металлургия была сложным ремеслом, которое было доступно немногим мастерам. Для выплавки меди нужно было получить высокую температуру в закрытом пространстве, и существует предположение о том, что некоторые медеплавильные техники были идентичны тем, что применялись для сплавления песка и руды при производстве глазури. Медь отливали в закрытую форму, которую вскоре заменили формы открытого типа. Научившись обрабатывать металл, человек получил возможность использовать его для собственных нужд и изготавливать ножи, кинжалы, топоры, резцы и другие инструменты, придавая металлу необходимую форму и не повторяя при этом очертания каменных орудий труда. Каменные орудия и оружие не были способны конкурировать с медными, но, перед тем как они исчезли, обработка камня достигла совершенства, отчасти из-за того, что в религиозных обрядах, таких как жертвоприношение или обрезание, использовали инструменты из традиционных материалов. Последние кремневые лезвия, тонкие, наточенные и отполированные до совершенства, представляют собой настоящие произведения искусства. Скорее всего, ими уже не пользовались. Обычные крестьяне были вынуждены довольствоваться деревянными орудиями труда или инструментами, сделанными из дерева с кремневыми вставками. Изделия из металла или лучшие из кремневых орудий принадлежали всей общине или ее вождю.

Иногда египтяне были агрессивными или отправлялись на поиски приключений. В ходе археологических раскопок было найдено множество наконечников стрел и наконечников булавы, а на скелетах додинастических жителей Египта встречается необыкновенно большое количество переломов. Вероятно, сообщества соперничали друг с другом, и в это время уже появилось оружие, с помощью которого маленькие объединения становились большими и формировалось государство. Мы не знаем, под чьим началом сражались эти люди. Можно предположить, что в бой их вели правители маленьких государств, которые уже отличались от прежних племенных вождей.

К тому времени египтяне изобрели и использовали несколько простых механизмов, под которыми мы понимаем приспособления, состоящие из нескольких отдельных элементов, приводящих их в движение. Во-первых, конечно же от далеких предков обитатели долины Нила унаследовали лук и стрелы. У них также были гарпун с привязанной к нему веревкой, мотыга, веретено, ткацкий станок и – самый сложный из механизмов – сверло, которое они использовали при изготовлении каменных сосудов или для сверления маленьких бусин. Конструктивно все эти приспособления очень просты, но они значительно более совершенны, чем дубинки, ручные топоры или палки-копалки.

Но в некоторых сферах, в частности в искусстве производства сосудов, как глиняных, так и каменных, египтяне, жившие ближе к концу додинастической эпохи, не могли повто-

ритель достижения своих предков. Стремление к красоте нашло применение в других областях, и поэтому керамика перестала изготавливаться из превосходного теста, пропали отточенность форм и богатый декор. Каменные сосуды перестали делать из твердых пород, да и их форма оставляла желать лучшего; теперь мастера довольствовались изготовлением сосудов самой простой формы из мягкого камня. Художественный талант был более востребован при изготовлении статуэток или при украшении церемониальных палеток из сланца, требовавших применения новой техники рельефной резьбы. В определенной степени, лишившись функциональности, искусство стало ремеслом, направленным на удовлетворение потребностей государства или правителя.

За исключением военных походов, люди были привязаны к своим маленьким полям. Тем не менее они поддерживали контакты с отдаленными районами. На лодках, плававших по Нилу, уже появились паруса, и некоторые путешественники могли выходить в «Великое зеленое» море, исследуя, насколько это было возможно, пространства вдоль побережья. Товары с одного конца Египта попадали в другой, а некоторые материалы каким-то образом поступали из других регионов. Так, золото и медь привозили из восточных гор, слоновую кость и мирру – с дальнего юга, оливковое масло – из Ливии и Палестины, кедровое дерево – с финикийского побережья, лазурит и обсидиан – из дальних восточных земель. Эти товары могли передаваться лишь от сообщества к сообществу, но уже появились транспортные средства и маршруты, позволявшие поддерживать более тесные контакты, и, следовательно, одна культура могла оказывать большее влияние на другую. В то время появилось заметное сходство форм горшков, каменных сосудов и каменных палеток, сделанных на территории Египта и Палестины.

Нам почти ничего не известно о религии египтян того времени. Все источники, дающие нам пищу для размышлений, происходят из захоронений. Очевидно, они верили в какую-то загробную жизнь. Их могилы стали более сложными, и вместе с умершими стали класть намного большее количество предметов. Самыми важными были запасы еды и питья, но в загробный мир также брали с собой одежду, украшения, косметические средства, оружие и орудия труда. Иногда эти предметы специально ломали или пронзали острым предметом – их «убивали», чтобы они смогли разделить участь своего владельца. Собак всегда хоронили вместе с хозяевами. Мы не знаем, сопровождали ли хозяев слуги, которых убивали и хоронили вместе с ними. Можно предположить, что в додинастическое время это делали, чтобы в загробном мире они продолжали обслуживать хозяйство владельца, но этот обычай исчез в самом начале исторического периода. В то же время мы не располагаем доказательством его существования и в рассматриваемую нами эпоху. Вернемся к рассказу о том, что мы благодаря изучению сохранившихся произведений искусства знаем о религии того времени.

Была ли ужасной жизнь додинастических египтян, проводивших ее согнувшись над мотыгой или за ткацким станком? Да, она проходила в тяжелой монотонной работе, но это однообразие скрашивали праздники, связанные с разливами Нила и сельскохозяйственными работами. Были также и рыбалка, охота и военные походы. Существовали даже игры. Во время раскопок было найдено подобие грубой шахматной доски. Она представляет собой пластину из необожженной глины на четырех толстых ножках. Ее поверхность разделена на восемнадцать квадратов, и к ней прилагалось двенадцать фишек, сделанных из глины и покрытых воском. Это приспособление для развлечения имеет важнейшее значение. Оно означает, что у людей появился небольшой доход, который снизил необходимость бесконечного тяжелого труда, а значит, и время для досуга и развлечений. Этот переходный момент и это состояние духа также характеризуются появлением искусства ради искусства. Давайте вернемся назад и взглянем на искусство более раннего времени.

Тяга к прекрасному впервые проявилась при изготовлении полезных предметов, таких как изысканный горшок с лепным декором или каменный кувшин, автор которого мастерски обыграл природную структуру камня. Поверхность округлых сосудов давала ранним художни-

кам множество возможностей. Они могли изменить форму своих изделий посредством лепных элементов, вырезать рисунок по сырой глине, обжечь сосуд таким образом, чтобы тот стал двуцветным, нанести на него блестящее покрытие, отполировать поверхность или просто расписать сосуд. Нам известно множество сосудов с огромным количеством декоративных мотивов. На чашах обычно встречаются грубо заштрихованные изображения охотников с собаками на привязи, а кувшины украшали изображением лодки, плывущей по Нилу. Благодаря изображениям на сосудах мы обладаем большей частью знаний о культуре додинастического Египта (фото 3а). Конечно же на основе этих изделий специалисты по додинастическому Египту строят множество гипотез. Существует ли связь между появлением «заштрихованных» сосудов в Египте и взаимодействием его населения с культурами Африки на юге или Сахары на западе? Действительно ли эту «декорированную» керамику производили на севере Египта? Каким образом сосуды с «изогнутыми ручками» связаны с Палестиной? Эти вопросы свидетельствуют о разнообразии контактов, которые может установить сравнительно примитивная культура. Проще всего сказать, что на ранних этапах культура Египта развивалась за счет собственных ресурсов, без значимого внешнего воздействия, но в то же время очевидно, что внешние контакты тогда уже существовали и должны были оказывать воздействие на обе стороны.

Отдельный интерес представляют сосуды с изображением лодок, поскольку они могут быть свидетельством существования речной торговли по всей длине египетского Нила. На лодках изображены простые символы, которые, возможно, означают их происхождение, то есть порт отправления. Поскольку у нас есть возможность идентифицировать эти символы, можно утверждать, что речная торговля процветала вдоль всего Нила, начиная от Средиземноморья до первого порога, задолго до того, как Египет стал единым государством. В довольно простых условиях, на территории, где правили только местные вожди, речные торговцы на своих судах свободно передвигались по Египту. Торговые контакты не ограничивались одной лишь долиной Нила. Присутствие в додинастических захоронениях иноземных материалов: лазурита, обсидиана, слоновой кости и оливкового масла – подтверждает наличие торговых отношений с такими удаленными странами, как Персия. Это вовсе не означает, что египетские караваны преодолевали тысячи километров или иранские торговцы сами привозили керамику в Египет, и кажется сомнительным, что торговые корабли могли пересекать Средиземное море за несколько веков до начала исторической эпохи. Наиболее вероятно, что товары из удаленных регионов переходили из одной области в другую посредством множественных обменов. Тем не менее долина Нила не была полностью изолирована от всех контактов, и с течением времени египетская культура медленно подвергалась внешнему воздействию.

О религии додинастического Египта говорить сложно, поскольку наши источники очень скудны и современные представления о религии мало соответствуют древним верованиям. Она была тесно переплетена со всеми аспектами повседневной жизни древнего человека и вряд ли представляла собой структурированную теологическую систему. В додинастическом Египте не было письменности, поэтому нам приходится делать предположения на основе немногочисленных памятников материальной культуры и допущения о том, что более поздняя теология уходит корнями в доисторическое время. Конечно, это очень зыбкая основа для построения гипотез. В египетских захоронениях были найдены произведения искусства, несомненно связанные с верой в невидимые и могущественные силы. В первую очередь это относится к фигуркам людей, животных и символам. Проводя аналогии с примитивными народами, известными современным этнографам, можно предположить, что религия выполняла три функции: она была связана с защитой от известных и неизвестных опасностей, направлена на успех в сборе или производстве пищи, а также на увеличение численности и процветание племени. Поскольку основным занятием египтян было сельское хозяйство, они должны были призывать божественные силы для увеличения урожая и прироста скота. Эти люди придавали большое значение и появлению потомства в собственном племени. Они также должны были просить

защиты от многочисленных опасностей огромного мира. Подобное отношение к таинственным явлениям, частично подвластным человеку, но в большей степени управляемым неведомыми силами природы, должно быть, и легло в основу египетской религии. В какой-то степени это прослеживается на примере фигурок женщин или животных, которые олицетворяли плодородие. Но значение других статуэток или амулетов менее понятно: вероятно, они были воплощением сил, предотвращавших разнообразные угрозы. Таким образом, как и в большинстве примитивных обществ, насколько была проста суть их религии, настолько же были сложны ее ежедневные и ежечасные обряды.

Нам неизвестно, какого рода политическая борьба шла в додинастическом Египте. Но нет никаких сомнений в том, что между небольшими группами происходили столкновения, в результате которых одни завоевывали других, имела место ассимиляция, вследствие чего появлялись более крупные объединения. Теоретически это был естественный процесс, в ходе которого деревенские общины перерастали в более крупные районные объединения, затем они приобретали контроль над еще большими областями; в конце концов к началу истории появилось единое государство. Конечно, нет никакой уверенности в том, что этот длительный процесс протекал именно согласно этой теории. Конечно, переход к производящему сельскому хозяйству, появление добавочного продукта и борьба за увеличение территории должны были сопровождаться определенными изменениями в административной структуре общества. Первоначально-племенная община, основанная на кровном родстве или непосредственной близости, должна была уступить место другому устройству общества, объединяющего людей, не обязательно связанных родственными узами и даже незнакомых друг другу, но имеющих общие экономические и социальные интересы и готовых подчиняться одному правителю. Не исключено, что за несколько столетий до начала династического периода такие объединения были сравнительно небольшими и что крупные союзы появились внезапно, причем лишь в самом конце додинастического периода.

Вопрос о масштабах административного, общественного и экономического объединения связан с другой проблемой, решение которой тоже лежит в области предположений, в частности о том, когда в Египте начали вестись широкомасштабные ирригационные работы. Предполагается, что первые поселенцы жили в долине Нила у прибрежных густых зарослей и обрабатывали доступные им участки земли. Подобное расположение и образ жизни обусловили появление маленьких и не связанных между собой общин, размер которых определялся ограниченным количеством пищи. Первые шаги по осушению болот стали необходимым шагом для освоения большей сельскохозяйственной территории, и этот процесс вырубки зарослей и осушения мог происходить постоянно. Но для получения максимально возможной территории было необходимо сделать следующий шаг – создать систему ирригации – водоемов или каналов, которые прорезали бы километры земли и подводили бы нильские воды к подножию пустынных гор. Осушение болот позволило отвоевать плодородную почву, но сохранить ее и увеличить ее площадь можно было только за счет развитой системы орошения. Широкомасштабная ирригация подразумевает планирование и контроль, осуществляемые сильной администрацией, и, появившись, система ирригации обусловила укрепление и процветание административного аппарата.

В связи с этим возникает вопрос: на каком этапе длительного додинастического периода египтяне пришли к взаимодействию, способности планировать и осуществлять эти планы, стремлению к могуществу, большей территории и получению большего количества пищи, благодаря чему они оказались способными осуществлять крупные ирригационные проекты? Ответ на этот вопрос будет в высшей степени субъективным, поскольку мы не располагаем источниками, способными подкрепить наши предположения. На примере керамических и каменных сосудов, инструментов из камня и меди, амулетов и украшений, жилищ и одежды мы видим, какими техническими возможностями обладал тогда человек, но на этот вопрос

у нас нет ответа. Насколько он был умен по современным критериям? Старая теория о том, что календарь, состоявший из 365 дней, появился за несколько веков до начала династического периода, оказалась несостоятельной. Он был разработан в раннединастическое время. Несомненно, что его появлению предшествовал длительный период наблюдений и их фиксации. Кроме того, требовалось и наличие способности превратить эти данные в действующую систему. Но если 365-дневный календарь был введен во время правления царей первых трех династий, то это не означает, что предшествующий период наблюдений и записей начался задолго до династического времени. Таким образом, мы не можем использовать изобретение календаря в качестве аргумента, подтверждающего, что в середине додинастического периода египтяне обладали незаурядными интеллектуальными способностями.

Что мы можем сказать о способностях египтянина того времени, помимо уже упомянутых мастерства в искусствах и ремеслах и наличия развитой торговли? Он обладал рядом простых навыков, которые подразумевали логическое мышление и эксперимент в области нововведений. Как биолог, он оказался способен вывести новые виды растений и животных. Как химик, он нашел способ выпекать хлеб, варить пиво и смешивать краски и глины. Как геолог, он научился искать камень для изготовления ножей и сосудов, минеральные вещества для косметики, золото и медь. Как физик, он стал делать превосходные кремневые ножи, просверливал отверстия в крошечных бусинах, покрывал глазурью каменные и керамические поверхности, плавил и отливал медь. Как математик, он мог размечать поля и строить хижины. В определенный момент он дошел до использования сложных приспособлений – инструментов, сочетающих более одного принципа применения силы. Именно таким приспособлением является сверло для изготовления полостей в каменных сосудах, поскольку сочетает резец, давление вниз и прерывистое или круговое движение и при этом предназначено для выполнения одной задачи. Насколько можно судить по превосходным каменным сосудам, подобное сверло появилось на ранних этапах додинастического периода. С другой стороны, до начала исторического периода египтяне совсем не использовали гончарный круг. Мы также не знаем, когда в Египте появились плуг и вертикальный ткацкий станок. Не исключено, что плуг был изобретен в конце додинастического периода, одновременно с началом крупномасштабной ирригационной системы, время появления которой остается нерешенной проблемой.

Так или иначе, можно с уверенностью сказать, что доисторические египтяне обладали скрытыми способностями и желанием экспериментировать в определенных направлениях. Если называть их «варварами», то только потому, что они не знали письменности или цивилизации, но при этом они уже не были тупоумными дикарями. Будучи земледельцами, они оказались привязанными к своим участкам, но иногда отрывали взгляд от грязи, благодаря чему у них постепенно появилось стремление к улучшению качества собственной жизни. В любом случае мы не располагаем сведениями, которые позволили бы нам определить, когда были сделаны два важнейших шага: начала создаваться обширная ирригационная система и появилась централизованная власть, способная осуществлять планирование и не имеющая личностный характер. Династический период начался с объединения разных частей Египта в единое государство. Приблизительно тем же временем датируется изобразительный источник, показывающий заинтересованность египетского царя в ирригации и его церемониальную роль при открытии нового канала⁴. Мнение о том, что крупные государственные и масштабные ирригационные проекты появились только тогда и им предшествовали длительные процессы объединения общин и вырубки зарослей вдоль Нила, закончившиеся резким цивилизационным скачком, который перенес человека в историческое время, является сугубо объективным.

⁴ Quibell J.E., Hierakonpolis, I («Egyptian Research Account», vol. IV [London, 1900]), pl. XXVIc; Schäfer and Andrae, op. cit., p. 188.

Как было отмечено выше, на настенных рельефах династического периода изображены густые заросли, из чего можно заключить, что к тому времени они еще не были полностью истреблены. Кроме того, можно предположить, что масштабные работы по ирригации были следствием важной революции в обществе: прирост населения вызывал потребность в увеличении земельных площадей, дополнительные земли появлялись за счет ирригации, больший объем урожая стимулировал увеличение численности населения, и этот прирост обусловил политические, экономические и социальные изменения в жизни. Начало этого типа революции длилось в течение продолжительного времени, в определенный момент она набрала силу, и дальнейшее ее развитие происходило очень стремительно. Хотя данный факт невозможно доказать или опровергнуть, можно предположить, что важнейшие изменения в сельском хозяйстве, связанные с ирригацией, непосредственно предшествовали историческому периоду и во многом породили его. Конечно же это не означает, что создание больших каналов стало единственной причиной начала исторического периода, – данный процесс был намного более сложным. Но это значит, что, когда египтянам пришлось начать подобную совместную деятельность, они достигли определенной степени зрелости или внутреннего напряжения и что их зрелость вкупе с плодами ирригации обусловила возможность достижения нового уровня жизни.

В чем заключался новый уровень жизни? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы должны принять во внимание некоторые концепции, предложенные рядом ученых. Так, принцип «вызова и ответа», применимый к пробуждению древнеегипетского общества, разработал А. Тойнби⁵. По его мнению, первым вызовом была борьба с природой: уничтожение зарослей вдоль берегов Нила, освоение черной плодородной почвы и контроль разлива реки. Посредством действенного ответа была сформирована единая культура, но люди продолжали прилагать усилия и в последующий период, очень многого достигнув в эпоху пирамид.

Несомненно, это важный принцип, тем не менее он не дает ответа на ряд вопросов. Почему доисторические жители Египта ответили на вызов, в то время как их южные соседи в Судане этого не сделали? Почему египтяне долгое время не использовали скрытые прибрежными зарослями плодородные земли и какие вновь возникшие причины побудили жителей долины Нила их освоить? Очевидно, что мы имеем дело с фактором, который поддается рассмотрению и описанию только после свершившегося факта, но совершенно непредсказуем до этого. Может показаться, что многие возможности, проистекающие из окружающей среды, до определенного времени не привлекают внимание, но потом некая каталитическая сила направляет энергию людей в нужное русло. Что может быть таким катализатором – значительные изменения в хозяйстве, иноземный стимул или постепенное духовное созревание? Вероятнее всего, это произошло под воздействием не одного, а нескольких факторов. Если это действительно так, то медленные изменения прошедших столетий привели к резкому скачку от позднего додинастического к династическому периоду.

⁵ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2002. Т. 1. [Toynbee A.J. A Study of History, I (Oxford, 1935)]. Стоит отметить, что некоторые из концепций или принципов Тойнби не совсем применимы к истории Древнего Египта. Например, сложно согласиться с последовательной сменой «времени трудностей» (Первый переходный период), «идеального государства» (Среднее царство), «межцарствия» (гиксосский период) и восстановления «идеального государства» (имперский период). По нашему мнению, серьезные проблемы, которые раскололи египетскую культуру, равно как и попытки сохранить ее целостность, появились в имперское время. Еще менее обоснованной выглядит концепция, представляющая культ бога Осириса как некую «вселенскую церковь, создаваемую внутренним пролетариатом». Первоначально культ Осириса был заупокойным и не мог являться следствием развития «нового общества». Он был изначально создан «доминирующим меньшинством» Тойнби, причем для них же. Этот критицизм мало влияет на общую оценку вклада Тойнби, чьи свежие идеи оказали огромное влияние на разрушение сложившихся стереотипов. Автор этой книги во многом обязан Тойнби образом своего мышления, несмотря на то что структура египетского общества в его изложении представляется неприемлемой.

Другая концепция, которую следует здесь рассмотреть, – это «урбанистическая революция» В.Г. Чайлда⁶. С его точки зрения, начало истории отмечено изменениями в структуре общества, заключающимися в том, что недифференцированные земледельческие общины стали объединяться вокруг деревень – сельскохозяйственных, политических и экономических центров. Каждый член предшествующего общества был самодостаточным хозяином, производившим собственную пищу и одежду, орудия труда, оружие и сосуды, строившим свою хижину и самостоятельно продававшим результаты своего труда. По мнению Чайлда, наступление урбанистической революции вызвало специализацию производства. На место прежнего земледельца, выполнявшего все виды домашних работ, пришли профессиональные оружейники, гончары, ткачи, строители, моряки, торговцы и т. д. Согласно этой теории улучшение сельского хозяйства привело к появлению излишков богатства и избытку населения. Первые обусловили возникновение правящего класса, у которого появились время для досуга и интерес к искусству, а избыток населения вызвал появление специалистов, основной профессией которых стало обслуживание потребностей, связанных с ремеслами и искусствами. Кроме того, эти большие сообщества объединяли взаимосвязанные, но безличные интересы, в то время как прежние общины, связанные семейными или личными узами, преследовали одну общую цель. Таким образом, появилась необходимость в новых способах осуществления контроля над этими безлично организованными сообществами, что привело к росту государственной организации, безличного законодательства и насаждению государственной религии. Так урбанистическая революция Чайлда породила государственную машину, включавшую гражданскую и жреческую бюрократию и полицию для обеспечения повиновения религиозным ритуалам и законам. Профессионализация управления и торговли привела к появлению последнего побочного продукта урбанистической революции – письменности, необходимой для ведения административных и торговых дел.

Для урбанистической революции характерно очевидное противоречие. С одной стороны, индивид становился специалистом в определенной профессии, и, как от специалиста, от него требовалось проявление личного таланта. С другой стороны, поскольку общество отошло от небольших родовых общин и превратилось в крупное государство с ужасающей безличностью законов и религиозной догмой, происходило обезличивание индивида, который стал, по сути, всего лишь статистической единицей государства. Этот конфликт между индивидом и обществом существовал уже в самом начале истории, причем в том же виде, как и сегодня.

Как можно оценить теорию урбанистической революции? Определенно, она точна и эффективна. В то же время она слишком универсальна. В ней есть два основных элемента: значительный прирост населения, стремящегося к урбанистической экономике, и выделение профессий. Однако термин «урбанистический» – это слишком общее понятие; он подразумевает, что земледелие перестало быть основным занятием населения и его место заняла торговля. В действительности земледелие не потеряло своего большого значения и можно усомниться в том, что понятие «город» вообще применимо к какой-либо из раннединастических общин. Все они были земледельческими деревнями.

Город в современном понимании, вероятно, появился не раньше времени правления царей XVIII династии. Кроме того, выделение профессий, пусть и менее выраженное, присутствует еще на самых ранних стадиях развития экономики. В небольшой общине был крестьянин, который лучше остальных мог делать оружие, более других преуспел в рисовании, выполнял обязанности жреца или врача. Различия между ранним земледельческим и историческим периодами скорее количественные, чем качественные. Таким образом, можно принять концепцию «урбанистической революции» Чайлда, но следует иметь в виду, что перед нами не «урбанистическая» и не «революция». Произошли изменения, которые привели к увеличению

⁶ Gordon C. V. *Man Makes Himself* (London, 1936), 157–201; Idem, *What Happened in History* (Penguin Books, 1946), 106–117.

концентрации населения в определенных центрах, более активному выделению профессий, росту благосостояния и появлению разветвленной государственной машины, необходимой для осуществления контроля за новыми элементами общества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.